

М. Ф. ШАТРОВ

<Встречи с Н. С. Хрущевым>

Мне посчастливилось трижды встречаться с Никитой Сергеевичем, мы много говорили, вернее, я слушал, говорил он. И у него, и у меня были неприятности за эти встречи и разговоры. Из всего того, о чем мы говорили, я выбрал три темы, три моих вопроса и, соответственно, его ответы.

Первый. Что толкнуло Вас на XX съезд? Второй: о чем Вы сожалеете? И третий: что Вам представляется главным в Вашей деятельности?

Итак, что толкнуло Вас на XX съезд, на путь реформ, что побудило поднять руку на Сталина?

— Это, товарищ Шатров, я Вам так скажу (всегда его ответы начинались именно так: — это, товарищ Шатров, я Вам так скажу...), не личная обида, нет!

Ко мне Сталин относился лучше, чем к другим. Меня некоторые из Политбюро считали чуть ли не его «любимчиком». У меня «сидела» только жена сына¹. Он меня иногда называл польским шпионом, Хрущевским, заставлял плясать, ну, в общем, и все. Не сравнить с тем, что творилось и делалось им с другими

Мог ли я продолжать то, что было раньше, т. е. сталинскую линию? После некоторой косметики, после некоторых маленьких реформ совершенно спокойно мог продолжать. На мой век и даже больше инерции бы хватило.

— Так почему же, Никита Сергеевич?

— Потому что я не из 30-х годов, я из другого десятилетия. Знаете, как я стал коммунистом? Погнали нас, молодых солдат, молодых красноармейцев на собрание, какой-то товарищ из центра будет выступать, погнали в театр. Вышел маленький, меньше меня, рыжий, в кожаной куртке и как начал говорить, так у меня прямо пелена с глаз слетела. Вот с этого времени я считаю себя коммунистом. Это выступал Николай Иванович Бухарин.

После войны, когда я стал все понимать, я всегда мечтал вернуться в то время, в тот воздух.

— О чем Вы сожалеете?

— Больше всего о крови. У меня руки по локоть в крови. Я свято верил тогда в Сталина и все делал... Это самое страшное, что лежит у меня на душе.

Второе. Не было у меня образования, мало культуры. Чтобы управлять такой страной, как Россия, в голове надо иметь две Академии наук. А у меня было четыре класса церковно-приходской школы, а потом вместо среднего — незаконченное высшее. Шарахался часто, был непоследователен. Обидел много хороших людей, особенно среди вашего брата, кричал, ругался на товарища Евтушенко, товарища Вознесенского и других товарищей, на интеллигенцию, которая, если всерьез говорить, как раз и была за мой антисталинский курс. Они меня поддерживали, а я...

Поздно я наверху оказался. Силы уже были не те. Если бы мне в 64 году, когда они заговор устроили, лет на десять было бы меньше, я бы этим «партийным друзьям» так просто не дался. Просмотрел момент, поддался им, когда они меня своей информацией напичкивали — и против интеллигенции, и против художников. И в ближних соратниках своих стал ошибаться. Впрочем, предают всегда только свои, близкие друзья. Тогда это меня, как и многих руководителей и до меня, и после меня, не миновало.

Что представляется главным? Это я Вам, товарищ Шатров, так скажу. Я знаю, все будут говорить по-разному. Одни освобождение людей вспомнят, другие — кукурузу, третьи — жилищную политику, четвертые — как я, когда с мясом стало плохо, начал с абстракционистами бороться. Все было. Но самое главное — все мы, весь народ, и те, кто был там, за проволокой, и те, кто трясся от страха здесь, по другую сторону проволоки, все мы глотнули другого воздуха. Это главное. Этого теперь так просто у народа не отнять. Это не пропадет, прорастет.

Если бы мне дали возможность начать сначала, я, зная, чем все кончилось, каким издевательствам меня подвергнут, как будут пытаться меня языком коровы слизнуть из истории, я бы все равно пошел на трибуну XX съезда, только бы сделал все умнее, а поэтому лучше, решительнее, более последовательно.

Слушая в эти дни рассуждения о Никите Сергеевиче, очень больно реагируя на перлы иных журналистов, не так далеко ушедших от Суслова в своих оценках этого поразительного человека, я не могу принять — это уже стало звучать как банальность — двухцветного черно-белого деления этого человека.

Что хорошо для памятника на кладбище — а это действительно хорошо! — то совсем не хорошо для жизни. Человеческую гармонию мы пытаемся проверить политологической алгеброй. Иногда это нужно, но для меня, для писателя, этого мало. Неправда это. Заглянем все в себя. Это же была единая взрывчатая смесь одной души, которую нельзя разъять на политологические составляющие. Он нес в себе не белое и черное, мы все такие, в этом смысле он ничем не отличается о каждого, а нес в себе дыхание революционной эпохи, которую задавила глыба сталинизма. Из-под нее он выкарабкивался, очищаясь и возвращаясь к тому, что было для него смыслом жизни.

Когда я думаю о Никите Сергеевиче, я думаю о трагедии талантливой, одареннейшего русского человека, великого человека, о трагедии реформатора, давшего своей стране и своему народу самое главное — глоток свободы человека, который обречен был умирать... под улюлюканье бывших холуев, под улюлюканье прессы и неблагодарной интеллигенции. Чего там только не было! И телефоны отключали и машин лишали, эстафета в этом плане до сих пор работает.

Но еще в большей степени, я думаю, это трагедия страны, это трагедия нашей истории — уничтожать и унижать, и растаптывать своих реформаторов. И не сумма созревших политических условий определила поступок Никиты Сергеевича, а его душа, его характер человека, которая в решающий час одних заставляет вставать с колен и идти на трибуну XX съезда, а других продолжать лизать зады власть предержащих, приговаривая при этом, мы сохраняем стабильность, нет ничего выше стабильности... Вот это мужество Хрущева, вот это умение подняться в трудный момент и пойти на трибуну, невзирая на то, чем это грозит для тебя лично — это и есть, мне кажется, его нравственное послание всем людям земли. Так давайте же сегодня помнить о главном в хрущевском подвиге: о глотке свободы, которым он напоил страну и всех нас. Ну а что мы с этим глотком свободы сделали и идем ли мы дальше и дальше в этом направлении, это уже вопрос ко всем нам.

Никита Сергеевич Хрущев свое дело сделал.

